

ИВАН ГАВРИЛЕНКО,

*доктор философских наук, профессор кафедры
отраслевой социологии Киевского националь-
ного университета имени Тараса Шев-
ченко*

АНАТОЛИЙ ЛИТВИН,

*аспирант кафедры отраслевой социологии
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

Выборы как общественно-историческая ситуация: теоретические модели избирательного процесса

Abstract

The authors regard election as a process of interpersonal social interaction with the purpose of social transformations corresponding the chosen prospective (historical) orientations. Being a socio-historical situation, election is aimed at a re-distribution of power and formation of prerequisites for further evolution of the society. In the democratic society an election adequate to its inner nature constitutes a form of presenting and solving actual social conflicts with political means and, at the same time, a means of struggle of cultural patterns of the future and corresponding alternative projects of its attainment.

В отечественной социологической литературе выборы анализируют с разных точек зрения: как определенную социальную технологию; как особый вид социальной коммуникации; как ситуацию и пространство использования манипулятивных технологий. Первый аспект освещают работы В.Г.Королько [1], О.В.Петрова [2] и др.; над вторым работает, в частности, исследовательский коллектив ИС НАН Украины под руководством Н.Кос-

тенко [3]; третий — манипулятивный — аспект проблемы исследует, например, Г.Почепцов [4].

Мы же попытаемся рассмотреть выборы как процесс и результат межсубъектного социального взаимодействия, направленного на социальные преобразования в соответствии с определенными перспективными (историческими) ориентациями. Это означает интерпретацию выборов как особой историко-социальной ситуации, в которой не только происходит перераспределение власти, но и формируются предпосылки дальнейшей исторической эволюции.

Выборы являются характерной для демократических обществ формой отношений между властью и народом на общесоциальном, региональном или местном уровнях. Но, наряду с сугубо формальным моментом, возникает вопрос, что представляют собой выборы по своему социальному содержанию: форму интеграции народа и власти; способ разрешения социальных конфликтов и выбора исторической перспективы; средство давления на власть; реализацию определенной идеологии или утопии; проявление определенных социальных потребностей и коллективных интересов?

Проблема эта, хотя и в неявном виде, была поставлена уже основателями теории общественного договора, которые рассматривали отношения власти и народа как своеобразный рынок, на котором осуществляется эквивалентный обмен ресурсами. В распоряжении народа находится довольно мощный ресурс — свобода. Но ничем не ограниченная свобода приводит к хаосу, беспорядку, войне всех против всех. У власти же есть возможность установить социальный порядок, в том числе принудительным путем, однако нет права на принуждение при условии неограниченной свободы подданных. Именно благодаря социальному контракту осуществляется обмен свободы на порядок. Народ добровольно теряет, отчуждая от себя, часть свободы, делегируя власти право на принуждение, благодаря чему становится возможным приемлемый, во всяком случае, для преобладающей части населения, социальный порядок. Самоограничение свободы порождает мир и спокойствие, которые являются не меньшим благом, нежели ничем не ограниченная свобода.

Безусловно, с реальным историческим процессом рассматриваемая концепция напрямую не связана. В действительности все происходило скорее наоборот: порядок появлялся благодаря принуждению, порой весьма жестокому, со стороны вооруженных групп людей. Но следует признать, что, как правило, преобладающая часть населения склонна поддерживать порядок и соблюдать установленные правила и нормы поведения. Она ведет себя так, как если бы на самом деле осуществила эквивалентный обмен свободы на мир и спокойствие. Насколько осознанно, рационально, добровольно это происходит, это уже другая проблема.

Возникает, однако, вполне уместный вопрос: на какое время народ отдает власти свою свободу, навсегда или на определенный срок? Если на определенный срок, так сказать, “на прокат”, то выборы представляют собой временное прекращение действия контракта, возвращение народу отданной им ранее свободы. Эта ситуация описана в книге “Медиа в выборах” так: “Партии и элиты, власть в целом отступили и замерли в ожидании, освобождая политическое пространство и приглашая в него тех, кто сообщает власти легитимность, т.е. избирателей. Но и в медиа в этот день не говорят о

политике, дебаты завершены вчера, аргументы предъявлены, и об их достоинствах до объявления результатов остается только гадать” [3, с. 25–26]. Предвыборную агитацию и ажиотаж можно рассматривать как своего рода “торг” по поводу цены свободы и социального порядка, правда, торг специфический, поскольку ни одна из сторон не знает ни настоящей цены своего товара, ни настоящего ресурсного могущества оппонента. Именно так толкует эту проблему современная теория обмена [5].

Вообще, интерпретация социальной природы выборов тесно связана с идейно-методологическими основаниями того или иного социологического направления. Так, марксизм, исходя из принципиальной неразрешимости классового конфликта в пределах существующих общественных отношений, рассматривает демократию и связанные с ней выборы как иллюзорное разрешение социальных коллизий. Выборы выглядят здесь как коварная хитрость господствующего класса, его обходной маневр. Чтобы как-то удержать власть в своих руках, он создает видимость эквивалентного обмена. С марксистской точки зрения, выборы в принципе не предполагают выбора, поскольку никогда не являются всеобщими, свободными и честными. Но даже если бы они были таковыми, переход власти от одной фракции господствующего класса к другой абсолютно не затрагивает основной элемент социальной ситуации — классовое господство. Чтобы произошли коренные изменения, с точки зрения марксизма, нужна социальная революция.

Принципиально иной подход к этому вопросу демонстрирует современная *конфликтология*, в частности Р.Дарендорф [6]. С его точки зрения, революция является наихудшей, наименее эффективной формой разрешения классового конфликта, поскольку приносит деструкцию и беспорядок, которые дорого стоят обществу, но мало что ему дают. Революция служит свидетельством того, что в классовом конфликте взаимодействуют социально незрелые классы. Особенно это касается угнетенного (в терминологии Дарендорфа — безвластного) класса. Поэтому в поисках функционального (мирного, законного и продуктивного) решения классового конфликта Р.Дарендорф очерчивает перспективу и ступени зрелости безвластного класса: идентичность (осознание своего положения и связанного с ним интереса), оппозиция (осознание своего классового оппонента), борьба (выражение, развитие и разрешение классового конфликта в рамках законов и морали данного общества). Дарендорф не останавливается специально на проблеме социальной сущности выборов. Но в контексте его методологии они выступают в качестве демократического механизма выражения, развития и разрешения классового конфликта законными и мирными способами. Выборы, в этом контексте, предстают как достаточно адекватная замена социальной революции. Они осуществляют перераспределение власти (основного социального ресурса, по Р.Дарендорфу), не затрагивая основ существующего социального порядка, сохраняя достигнутый уровень развития.

Функционализм в основу социального порядка полагает ценностное согласие. Общество, с данной точки зрения, существует лишь в той мере, в которой среди большинства его членов существует согласие относительно некоторых фундаментальных ценностей. Иначе говоря, в основании социального порядка лежат определенные правила (относительно разрешенных и запрещенных действий), контроль, поощрительные и уголовные санкции, социальная стратификация. Последняя предполагает воплощение признан-

ных обществом ценностных ориентаций и способность их поддержания и воспроизводства. Исходя из этого, элитарные группы располагаются на высших ступенях социальной иерархии именно потому, что демонстрируют наибольшую ангажированность в ценностной сфере общества и наивысшую способность защищать общественные ценности; они наилучшим образом или с наибольшей готовностью соблюдают установленные правила и нормы, то есть ведут себя моральным и законопослушным образом. Особое же их достоинство заключается в том, что они реализуют самые полезные общественные функции — регламентации, координации, мотивации, вознаграждения, управления (принятия решений и организации их выполнения), побуждения и мобилизации.

Благодаря достигнутому ценностному согласию происходит интеграция и консолидация общества. На это нацелена деятельность основных подсистем социальной системы. Экономика реализует функцию адаптации общества к окружающей среде, политика — утверждения избранных целей, право — интеграции, система социализации — трансляции приобретенного опыта и легитимно одобренных образцов ролевого поведения.

Чем же являются выборы в контексте функционалистской парадигмы? Прежде всего, это новый ценностный консенсус, согласие на основе строгого соблюдения наиболее фундаментальных (“общечеловеческих”) ценностей и некоторой модернизации более инструменталистских и ситуативных ориентаций. То есть это, в первую очередь, продолжение исторического процесса, хотя одновременно и некий разрыв — отказ от устаревших социальных элементов, в том числе правил, норм, форм контроля, санкций и т.п. В результате выборов происходит очередная селекция элиты, в особенности политической, а также тестирование, оценка правящей группы на соответствие ценностно-ориентационной системе данного общества. Выборы являются также механизмом инфильтрации новоявленных элит в существующее политическое пространство. Функционализм отрицает любые насильственные средства — революции, социальные бунты, политические перевороты. Главным принципом модернизации правящей элиты и инфильтрации в ее ряды новых членов признаются именно выборы. Особое значение их состоит в том, что выборы — это законная форма передачи власти. Все незаконное функционализм считает ненормальным, болезненным, патологическим, а следовательно, революции, с этой точки зрения, являются тягчайшей болезнью общества.

Элиту функционализм признает наиболее полезной и наиболее продуктивной социальной группой, и именно ей в избирательном процессе отводится особая роль. Она является одновременно (в лице различных ее фракций) и носителем традиций, и инициатором изменений. Тем не менее необходимость модернизации признается функционализмом неохотно, а сама ситуация социальных преобразований считается серьезным историческим риском.

Существует лишь одна, довольно периферийная разновидность функционализма, не только признающая правомерность и необходимость социальных изменений, но и стремящаяся их теоретически концептуализировать. Речь идет о *теории модернизации ресурсов*. В весьма развернутом виде она изложена в известном труде А.Этциони “Активное общество” [7].

По мнению сторонников этой теории, источником социальных изменений служит фрагментация (определенная фракционная раздробленность) элиты, то есть ценностное разногласие. Это утверждение является вынужденным признанием того, что ценностное согласие и связанный с ним социальный порядок, консолидированность и стабильность общества не могут быть абсолютными. Поскольку государственные институты призваны обеспечивать выбор ценностных ориентаций, то и консервативная, и либеральная фракции элиты стремятся к контролю над ними. Первые — консерваторы — стараются сохранить избранную политическую линию, вторые — либералы и радикалы (“обновленцы”) — намерены осуществить определенную коррекцию деятельности государства. В этом аспекте ценностные ориентации приобретают институционную направленность. Это скорее инструментальные ценности, имеющие четко выраженный рациональный характер. Ведь важнейшими ресурсами социального действия являются знание, науки, в том числе и прежде всего — социальные науки. Общественное использование этих ресурсов определяется рынком и властью. Поэтому инициативные элитные группировки стремятся к победе на политическом рынке и завоеванию политической власти [7].

Рациональное содержание инициативных действий “обновленцев” проявляется в программировании и планировании (политические программы, заявления, декларации, пропаганда и агитация, практические мероприятия), в основе которых — стремление к перераспределению социальных ресурсов в свою пользу. Но речь идет не о монополии (этим данный подход принципиально отличается от марксизма, особенно в его большевистской версии), а лишь об “изменении уровней доступности”. Для завоевания политического рынка нужна переориентация коллективных мотиваций. Поэтому особая роль придается коммуникации (пропаганде, просвещению, убеждению, внушению, идейно-психологическому вовлечению и т.п.).

Теория мобилизации ресурсов — это определенный шаг вперед по сравнению с традиционной функционалистской позицией, для которой характерно признание незыблемости ценностного консенсуса и политической стабильности, акцентация внеинституционной и нерациональной природы любых социальных движений или политических инициатив, а также их социальной неэффективности. Хотя они и выражают существующую в социальном пространстве напряженность, ее надлежит рассматривать как следствие неумелого политического руководства, то есть как проблему, которую следует решить исключительно путем повышения профессионализма, компетентности и ответственности руководящих кадров, а не перераспределением власти, поскольку оно несет в себе потенциальную угрозу, и его следует всячески избегать. С традиционно функционалистской точки зрения, это опасно еще и потому, что социальные инновации предполагают привлечение к политическим процессам общественных низов — людей необразованных, малокомпетентных, иррациональных и ситуативных по социальным реакциям. К тому же, перенесение фракционной раздробленности элиты на все общество приводит к его дихотомизации (расколу на две равносильные половины), что может вызывать ощутимые социальные потрясения и непредсказуемые последствия.

Подобный подход, последовательно изложенный в известной монографии Н.Смелзера о социальных движениях [8], по сути, представляет

выборы как фарс, бездумную поддержку существующей власти, акт слепого доверия к ее обещаниям, то есть “выборы без выбора”. Нечто подобное мы наблюдали в советские времена, когда шли на голосование, не имея ни малейшего представления о намерениях и программах кандидатов, их личных характеристиках, кроме разве что официальной биографии. К выборам реальной власти (партийных комитетов всех уровней, включая ЦК и Политбюро) основная масса избирателей не допускалась. Это было внутренним делом КПСС, то есть только коммунистов, ограниченной части общества. Вдобавок, в самой партии господствовали принципы бюрократии и централизма, то есть речь шла также о выборах без выбора.

Даже в виде теории мобилизации ресурсов функционалистское объяснение избирательной ситуации имеет, по нашему мнению, существенные теоретические ограничения. Прежде всего, теория мобилизации ресурсов носит формалистский характер. Она отвечает на вопрос “как?”, но не отвечает на вопрос “для чего?”. То есть, ради чего нужно мобилизовать ресурсы, каков содержательный аспект этого процесса? То есть сторонники этой теории отходят от основного постулата самой функционалистской парадигмы, заключающегося в требовании выявлять назначение анализируемого общественного явления. Помимо того, теория мобилизации ресурсов, как и весь функционализм в целом, имеет откровенно элитную направленность. Отсюда следует, что через выборы решаются прежде всего и главным образом проблемы правящей элиты, ее различных фракций. Простых избирателей просто “используют”, и хотя избирательный процесс сводится к коммуникации, тем не менее она направлена сверху вниз и предназначена для манипуляции чужим поведением. А следовательно, среди всех компонентов коммуникации преобладающее значение имеет даже не пропаганда и не агитация, а внушение.

Нельзя также безоговорочно согласиться с функционалистской оценкой избирателей как людей исключительно необразованных, некомпетентных, безответственных, иррациональных, ситуативно реактивных и т.п. Разумеется, все эти признаки присущи рядовым избирателям. Однако социальная мудрость является скорее функцией практического опыта, нежели теоретической подготовки. Сам процесс выборов в демократических обществах является, вместе с тем, социально-политической школой, где приобретает необходимый профессионализм и компетентность. Наконец, не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, в чем заключаются твои насущные потребности и в какой мере они удовлетворяются.

Впрочем, склонность к манипуляциям проявляют практически все партии и отдельные персоналии, безотносительно к политической окраске их платформ. Частично это свидетельствует об изоциренности правящих элит, частично — о незрелости и безответственности массового избирателя. Представить себе современные выборы без каких бы то ни было манипуляций практически невозможно. И речь идет, по нашему мнению, не только о моральных качествах, ответственности, компетентности и других достоинствах власти и народа. Дело в том, что выборы — это специфическая историческая ситуация — факт, которого почти не замечают все рассмотренные выше теории. Здесь происходит не только перераспределение власти, богатства или ресурсов. Хотя и это имеет место, однако не только это. Во время выборов осуществляется выбор исторической перспективы, то есть

выбору подлежит нечто еще не существующее, непосредственно не различимое. Поэтому коммуникация — прежде всего как интерпретация и призыв — приобретает особое значение. Здесь победить может тот, кто лучше “видит” то, чего нет. Или лучше убедит других в своем видении, в ощущении перспективы, будущего.

Чтобы проанализировать этот аспект избирательной ситуации, следует обратиться к принципиально иным, нежели функционализм, теоретическим основаниям. Поскольку для функционализма характерна определенная “банализация” теории, стремление описывать то, что имеет место, что является очевидным и относительно понятным. Чрезмерное упование на здравый смысл и практический опыт лишают творческого воображения и теоретической перспективы. Поэтому не удивительно, что Р.Миллс требовал от своих коллег, воспитанных, как и он, в традициях американского функционализма, “социологического воображения”. Здесь лучше, по нашему мнению, опереться на *традиции европейского конфликтуализма*. Но не в его марксистском или даже дарендорфовском варианте, а в более “продвинутом”. Таким, по нашему мнению, является *акционализм* А.Турена [9; 10; см. также 11–13].

А.Турен признает существование классов и классовых конфликтов, но его понимание классов принципиально отличается от марксистского и конфликтуалистского в целом. Основой классового размежевания он считает не богатство (марксизм) или власть (конфликтология Р.Дарендорфа), а способность определенной группы влиять на выбор обществом собственной исторической перспективы. Исходя из этой способности можно говорить о различной социальной зрелости классов. Господствующий класс может быть либо руководящим, решающим образом влияющим на выбор обществом исторической перспективы и обеспечивающим мобилизацию социума на ее достижение, либо угнетающим посредством контролируемых им силовых инструментов с целью принудительного установления социального порядка. Угнетенный класс тоже может выступать в двух качествах. Либо он способен к протесту, организованному сопротивлению и защите собственных интересов и добивается, чтобы достижение обществом некой исторической перспективы не происходило за его счет, либо он является сугубо угнетенным — закабаленным, не способным к самоорганизации и защите. Тогда он не имеет своих представительских структур и погружен в рутину повседневного потребления ради чисто физического выживания. Историческая ситуация, по мнению А.Турена, определяется тем, какие именно классовые модификации взаимодействуют между собой. Здесь возможны четыре варианта:

- (1) “господствующий — руководящий” и “угнетенный — протестующий”;
- (2) “господствующий — руководящий” и “угнетенный — закабаленный”;
- (3) “господствующий — угнетающий” и “угнетенный — протестующий”;
- (4) “господствующий — угнетающий” и “угнетенный — закабаленный”.

Эти четыре комбинации дают четыре принципиально отличные исторические ситуации, в частности ситуации выборов.

Чтобы не вдаваться в излишнюю здесь дискуссию о правомерности и целесообразности классового подхода, сразу же заметим, что в случае необходимости это понятие классов без особых потерь можно заменить на концепты элиты и масс. Хотя при этом утрачивается некоторая точность и кон-

кретность анализа. Ибо понятие “класс” характеризует скорее социальное положение некоторой группы, а понятие “элита” — ее функцию в обществе. Класс характеризует отношения господства и зависимости; элита — руководства и вовлечения. Иногда класс представляет собой скорее элиту. В нашем случае — это руководящий господствующий класс. Бывает и наоборот: элита выступает в качестве класса, например, господствующая элита. Главное же заключается в том, что при таком подходе возникает возможность осуществить продуктивную интеграцию конфликтологического и функционалистского подходов.

Применительно к нашей проблеме — выборы как историческая ситуация — указанное понятие можно трансформировать для большей адекватности целям работы. Господствующий класс и элиту можно рассматривать как субъект власти, то есть только в том аспекте, где смысл этих понятий совпадает. Понятно, что класс и властная группа — это не одно и то же. Но в некоторых случаях они могут совпадать. Например, в бывшем СССР номенклатура была одновременно господствующим классом, руководящей элитой и властной группой. Ей противостояла группа, которую можно также рассматривать как угнетенный класс, как социальную массу (внутренне не структурированную в достаточной мере) и как народ. Поскольку избирательную ситуацию правомерно рассматривать как взаимодействие народа и власти, в дальнейшем, говоря об очерченной А.Туреном классовой дихотомии, мы будем оперировать терминами “власть” и “народ”, акцентируя тот момент, что описанная выше схема позволяет выразить их взаимодействие через критерии социальной зрелости и исторической перспективы.

Наихудшей является ситуация, когда обе стороны этих отношений одинаково незрелые. (У Турена эта комбинация выступает как взаимодействие “господствующего — угнетающего” и “угнетенного — закабаленного” классов.) Для нас это означает, что власть в данном обществе способна лишь на принудительное поддержание социального порядка. Все остальное ей чуждо. Производство для нее — только способ несправедливого распределения (в соответствии с властными позициями, безотносительно к эффективности и производительности труда) и роскошного и показного (демонстративного) потребления. Поэтому из-за отсутствия продуктивного инвестирования в средства развития — науку, технику, культуру и образование — они претерпевают стагнацию. Такая власть либо равнодушна к исторической перспективе, либо враждебна. Ее ценностные ориентации воплощаются или в апологетической (защитной) идеологии, или в мало связанной с реальной жизнью ретроутопии (идеализации прошлого). Она не владеет духовными инструментами социальной мобилизации и не пытается приобщить народ к историческому творчеству, требуя от него лишь покорности и формального законопослушания. Она игнорирует также принципы справедливой социальной стратификации адекватности вознаграждения, ценностно-психологическую интеграцию общества, эффективного распределения труда и его результатов, соблюдения правопорядка и общественной морали.

Социально незрелой являются в таком обществе и народные массы (в нашем случае — электорат). Они не способны ни к формированию идентичности (осознанию своего положения и коллективного интереса), ни к оппозиции (осознанию своего социального оппонента), ни к борьбе (выражению, развитию и разрешению основного социального конфликта). Они не имеют

своих представительских структур (партий, профсоюзов и общественных организаций) либо те только формально представляют их интересы. Такой электорат равнодушен к общественным делам, активно избегает выборов, которые для него — только лишняя морока. Поэтому для правящей верхушки основная задача состоит не в том, чтобы убеждать и привлекать, а в том, чтобы обязывать и заставлять массы, в частности — принять участие в выборах.

Здесь, правда, возможны несколько модификаций. Если властная группа выступает как объединенная и консолидированная, выборы абсолютного теряют смысл. Они ничего не решают, даже проблемы перераспределения власти в пределах господствующей верхушки. Демократия здесь остается заимствованной пустой формой. Она утверждается под давлением внешних обстоятельств, а не исходя из внутренней необходимости и носит скорее ритуальный или лицемерный характер. Поэтому выборы происходят “организованно”. Взаимодействие основных участников избирательного процесса сводится к демагогии сверху и ситуативным реакциям снизу, со стороны “молчаливого большинства”.

Если властная верхушка внутренне расколота, но ограничивается борьбой за власть между “своими”, не приобщая к этому народные массы, избирательный процесс заметно активизируется. Пустопорожняя демагогия дополняется взаимными разоблачениями, “компромотом” на оппонентов. Эти обвинения имеют чаще словесную, чем судебную-правовую форму, и призваны произвести сугубо демонстративный эффект. Это — политические спектакли, временами довольно драматизированные. Если власть не в состоянии обеспечить плебс хлебом, она вполне удовлетворяет его потребность в зрелищах.

В случае, когда в конфликт вовлекаются определенные слои электората, ситуация приобретает более напряженный и противоречивый характер. Власть идет на определенный риск и создает взрывоопасную (в перспективе, возможно, революционную) ситуацию. На определенном этапе народные массы могут самоорганизоваться и консолидироваться, из закабаленного класса превратиться в протестующий.

В этом случае социальные качества власти остаются теми же, а социальные качества народа приобретают новые черты. Вследствие коллективного возбуждения он может достичь уровня самоидентификации, оппозиционности и вступить на путь борьбы. На уровне идентификации электорат или какая-то его часть осознает собственный интерес, отличающийся от интересов властной верхушки. Еще не имея надлежащей организации и не будучи управляема собственными представительскими структурами, такая народная масса способна скорее на ситуативные мятежные выступления деструктивного характера, без четко выраженной цели и видения конкретного социального оппонента. В качестве такового возникают некие, не достаточно идентифицируемые “они”. На уровне оппозиционности протестные выступления могут стать более целенаправленными. Место безликих “они” занимает вполне конкретный социальный противник. Межфракционный разоблачительный дискурс внутри самой власти может трансформироваться в разоблачительную классовую идеологию, потенциально (при условии массовой народной поддержки) способную превратиться в разоблачительную социальную утопию, подвергающую критике не отдельные негативные моменты данного общества, а весь существующий социальный порядок в целом.

На стадии “борьбы“ возможны еще несколько вариантов. В условиях низкой зрелости и самоорганизованности народной массы она, вероятнее всего, ограничится локальными, хотя и достаточно деструктивными выступлениями. На уровне высокой самоорганизованности, но при низком уровне самоидентификации и сознания потенциально возможна насильственная политическая революция. Вероятность ее возрастает, если эти локальные выступления сольются в единый и организованный коллективный протест деструктивной направленности. Если же его возглавит (то ли по сути, то ли просто формально) радикальная революционная партия, объединяющая в своих рядах всех тех политических “львов”, которые не смогли постепенно и мирным путем проникнуть в коридоры власти, где все еще господствуют “лисы”, реализация этой вероятности становится почти неминуемой. Ситуация выборов в этом случае превращается в революционную, сами выборы становятся излишними, бессмысленными; на смену законному перераспределению власти приходит революционно-насильственное.

На высшем уровне социальной зрелости народных масс классовая борьба способна трансформироваться в социальное (историческое) движение. Имея представительские структуры, собственные СМИ, а следовательно — способность влиять на формирование общественного мнения, социальное движение нацелено не на перераспределение (тем более — насильственное) власти, а на смену культурно-ценностных ориентаций общества. Его социальной базой является не только класс, хотя он остается центральным элементом данной структуры. Более объемная социогрупповая структура социального движения включает все гомологические (схожие по положению, позициям и диспозициям) группы и руководствуется не политической идеологией, а социальной утопией; не экономическим интересом, а исторической перспективой; не ситуативными коллективными потребностями, а исторической необходимостью. Социальное движение подрывает фундаментальные основы существующего социального порядка, предлагая свой — глобальный — социальный проект, и наиболее остро противостоит данной власти как олицетворению существующего порядка. Объединяя в своих рядах весь протестный электорат, составляющий преобладающую часть общества, социальное движение путем выборов способно не только свергнуть существующую власть, но и создать новый политический режим и внести принципиальные изменения в существующий социальный порядок.

Наконец, возможен четвертый, в некотором смысле идеальный вариант, при котором и власть, и народ (электорат) отличаются социальной зрелостью, то есть способны к легитимным, мирным и продуктивным формам выражения, развития и разрешения центрального социального конфликта. В таком случае власть в состоянии не только насильственными средствами установить социальный порядок. Она способна также обеспечить экономический прогресс (прибыльность экономики), накопление социальных ресурсов (в материальной, финансовой, технической и информационных формах), необходимые изъятия (путем адекватного налогообложения) и добровольных пожертвований) и продуктивное инвестирование в науку, технику, культуру, образование. Эта власть формирует и поддерживает перспективные исторические ориентации (культурную модель будущего), осуществляет на их основе коллективную мобилизацию и справедливую (согласно вкладу в развитие) социальную стратификацию. Такая власть носит

безусловно легитимный характер и имеет надлежащий престиж (поддержку и одобрение). Это скорее власть авторитета, нежели авторитет власти.

Когда народные массы (как классовый субъект и как мобилизованный электорат) имеет все свойства зрелой протестной группы — самоидентификацию, видение классового (или властного) оппонента, ее протест приобретает не только организованные и координированные, но и легитимные формы. Взаимоотношения народа и власти отличаются в этом случае конфликтным, но, вместе с тем, продуктивным и мирным характером. Они являются не врагами, а социальными партнерами, однако с объективно несовпадающими интересами. Их объединяет ориентация на историческую перспективу, хотя разделяет ощущение собственной коллективной перспективы и связанной с ней личной судьбы, а также проблема коллективного вклада и вознаграждения. Внутренняя фракционность властной и электоральной групп отстает перед их внешней консолидированностью, поэтому они взаимодействуют как приблизительно равносильные социальные партнеры.

Выборы в таких условиях вполне адекватны своей внутренней сущности. Это — прежде всего исторический выбор. Хотя при этом происходит также временная отмена социального контракта; перераспределение власти; ситуативная дифференциация и консолидация; обновление политического режима и связанная с этим новая интеграция; выражение, развитие и разрешение социальных конфликтов средствами политической борьбы и т.п. Однако, будучи по своей сути историческим выбором, такие выборы характеризуются прежде всего борьбой культурных моделей будущего и связанных с ними альтернативных социальных проектов его достижения.

Литература

1. *Королько В.Г.* Основы публік рілейшнз : Посібник. — К., 1997.
2. *Петров О.В.* Социологические избирательные технологии. — Днепропетровск, 1998.
3. Медиа в выборах: между политикой и культурой (контент-анализ политической прессы) / Под ред. Н.Костенко. — К., 1999.
4. *Почепцов Г.* Теория и практика коммуникаций (от речей президентов до переговоров с террористами). — К., 1998.
5. *Blau P.* Exchange and Power in Social Life. — N.Y., 1964.
6. *Дарендорф П.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 64–83.
7. *Etzioni A.* The Active Society. Theory of Social and Political Processes. — N.Y., 1968.
8. *Smelser N.* Theory of Collective Behavior. — N.Y., 1963.
9. *Турен А.* Возвращение человека действующего. — М., 1998.
10. *Tourain A.* La sociologie de l'action. — P., 1965.
11. *Гавриленко І.М.* Соціологічна діагностика конфліктів. — К., 1994.
12. *Гавриленко І.М., Чепак В.В.* Загальносоціологічна теорія : Науково- методичні та інформаційні матеріали. — К., 1998.
13. *Гавриленко И.Н.* Исторический акционализм как методология исследования исторического процесса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 3. — С. 101–118.